

WWW.INTELROS.RU; Журнальный клуб ИНТЕЛПРОС; Facebook INTELROS; Facebook Журнальный клуб; ВКонтакте ИНТЕЛПРОС. E-mail: intelros@intelros.ru

Александр Неклесса: «Попытки отлучить народ от власти – это государственная измена»

Беседа о глобальном переустройстве мира, столкновении Китая с Западом, «Русском мире» и новом человеке-предприятии

«Сословное государство у нас трансформировалось в чиновничий произвол, пронизывающий страну сверху донизу. Поскольку в мире эффективно действуют не территории и бюрократии, а люди и сообщества, Россия оказывается вне игры, закрепляясь в группе проблемных стран», — считает руководитель экспертно-образовательного объединения «ИНТЕЛПРОС» Александр Неклесса. Он рассказал «БИЗНЕС Online», почему Китай не претендует на мировое лидерство, как РФ становится миром корпораций и откуда берется новый национализм. Беседовал Вадим Бондарь. Газетная версия:

<https://www.business-gazeta.ru/article/416929>. Ниже публикуется полный текст интервью (в авторской редакции).

«МЫ ДВИЖЕМСЯ К НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКЕ МИРА»

— Александр Иванович, по возвращении с давосского форума министр экономики Максим Орешкин высказал две мысли. Первая: суперцикл активной глобализации, длившийся 30 лет, подошел к концу. Сейчас в мире нарастает тенденция деглобализации и национализма. И второе: социально-политическая напряженность в мире возрастает, а представители крупнейших компаний и государств не видят «серьезного способа решения этой проблематики». Так что происходит в мире и с нами?

— В данном случае, на логику рассуждения, как мне кажется, воздействует набор стереотипов, гуляющих в прессе, в том числе научной и околонаучной. Я вижу ситуацию все же иначе, под другим углом. Представьте лодку под парусом, плывущую при попутном ветре, но что произойдет, если на нее поставить мощный мотор? Парус прогнется в другую сторону, а у путешественника возникнет иллюзия, будто ветер изменил направление, подул в лицо. Иначе говоря, этот «встречный ветер» на самом деле – реакция на ту мощь, которую обрело судно. Нечто подобное происходит и с цивилизацией.

Нынешнее состояние мира – это не деглобализация, в том смысле, как я услышал в вопросе, скорее – реконфигурация. Планетарная экспансия цивилизации продолжалась все-таки не три десятилетия, срок же ее последнего «суперцикла» связан в основном с концом идео-политической биполярности и преодолением препон глобальному рынку. Сегодня доминанта развития цивилизации сдвигается от горизонтальной, пространственной, территориальной экспансии к вертикальной устремленности – интенсивной колонизации будущего, наполнению смыслами, обустройству и технологическому оснащению его несфокусированных земель. Что, как и всякая новизна, встречает противодействие. Ветер же преодолеваемой инерции дует в лицо с интенсивностью, соразмерной прилагаемым усилиям, число и разнообразие конфликтных ситуаций действительно растет. И нередко воспринимается сознанием как мейнстрим процесса, но это не так.

Сегодня стратегическое преимущество переходит к системам, способным продуктивно функционировать в ситуациях новизны и неопределенности – это многослойная, комплексная перестройка антропологического универсума, перенастройка сопряжений человеческой вселенной. Иерархии утрачивают бюрократическую определенность. Проактивная личность, частные и партнерские институты, трансграничные антропо-социальные сообщества приходят на смену скованному регламентами Левиафану. Расширение возможностей личности означает большую гибкость и вариабельность мира, предопределяя транзит мировой симфонии от концерта держав к полифонии пестрых политий, что, конечно же, влечет новую сумму рисков и, вероятно, станет критическим испытанием для человечества.

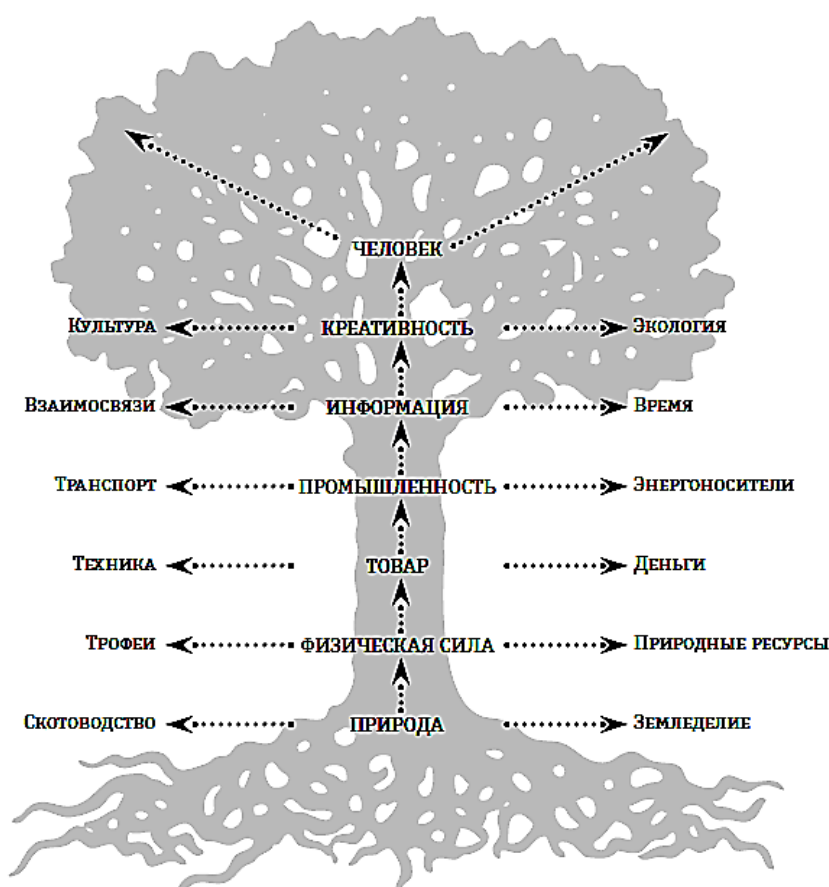
Мы до сих пор мыслим мир в привычном образе национальной суверенности и соответствующих процедур управления, институтов, учреждений. Смотрим на административно-политические карты, и через призму графически отображенного сюжета воспринимаем мир. Но он уже не таков, устои сместились. Мы движемся к новой концепции, языку и практике мира. Геополитика замещается геоэкономикой, а в подвижной среде с эластичной архитектурой доминирует социокультурная аттракция (геокультура), ускоряется перераспределение человеческих ресурсов (геоантропология).

Геополитика – это по сути мрачная ностальгия. Значение геополитики ослабевает, из военно-географической сферы она перемещается в область транспортных, энергетических, прочих коммуникаций. И далее трансформируется в геоэкономические конструкторы – сегодня контроль/управление деятельными пространствами, экономическая диверсификация, наличие высокотехнологичных локусов важнее обладания земными территориями (что подчас оказывается не ресурсом, а обременением).

Актуальный же язык социума, отчасти искажаемый прошлым, – *геоэкономика*. Цели и рекомендации данных прочтений реальности (геополитика vs. геоэкономика) различны, равно как используемые ими средства организации и господства. Рассматривая сценарии силового взаимодействия, мы видим, что возникающие сегодня проблемы в конечном счете решаются посредством геоэкономического инструментария. В геоэкономической модели мироустройства можно выделить шесть пространств: транснациональный Север (глобальное управление), североатлантический Запад (высокие технологии), тихоокеанское кольцо Нового

Востока (индустриальное производство), тропический контур Юга (сырьевая экономика), сухопутный океан Северной Евразии (весьма специфический ареал), трансграничный Глубокий Юг (трофейная экономика).

Геоэкономический модус – текущее состояние глобального социума, но не основной вектор развития. Растет значение *геокультуры*: наличия у субъекта действия развитой социокультурной инфраструктуры. Вот примечательный кейс на данную тему: Адам Смит (на которого любили ссылаться в России в 90-ые годы), рассуждая о благотворном характере конкуренции и описывая механизм «невидимой руки», превращающей совокупность частных интересов в общее благо, делал примечательную оговорку: данный механизм работает «при соблюдении законов справедливости». Что, кстати говоря, напоминает актуальную цепочку рассуждений (от Вебера до Фукуямы) о значении для развития экономики и общества такого социокультурного фактора, как «доверие». Роль нематериальных активов, социальной инфраструктуры, образования, цивилизованности населения, многообразия и отлаженности общественных связей выходит на первый план. Как следствие – сильнее проявляется социокультурная гравитация одних ареалов и токсичность других, формируя миграционные потоки и преобразуя картографию человеческой вселенной.

При обсуждении в том или ином кругу острых проблем российской ситуации я заметил: аудиторией с некоторым удивлением воспринимается мысль, что основная проблема страны – это состояние ее культуры, в самом широком значении этого слова. Культуры, определяющей качество среды обитания, основы социального поведения (этику, мораль), состояние судебной системы, реализацию политических процедур и

т.д. Слабое осознание катастрофичности социокультурной ситуации в России, возможно, связано с памятью о былых, каталогизированных культурных достижениях. Культурный капитал страны, однако, есть нечто большее, нежели литература, живопись, музыка, театр. Конечно, все это аспекты культуры, ее феноменология, сумма реализованных даров и талантов, но культурный статус страны и населения этим не исчерпывается. Социокультурный уровень популяции определяет степень ее цивилизованности, сглаженность соответствующих перепадов, гомогенность инфраструктуры развития. Разрывы и провалы в освоении культурных активов, конечно, не отрицают их значение, но с точки зрения геокультурной ситуации отчасти девальвируют эти достижения, которые рискуют оказаться не востребованными артефактами, а их создатели – «лишними людьми». Ситуацию усугубляет предчувствие следующей эволюционной волны, преобразующей глобальную иерархию ценностей и смыслов.

Грядущая картография практики сопряжена уже с *геоантропологией*: суммой процессов и ситуаций, возникающих при распределении и перераспределении человеческих ресурсов на планете с учетом их качественных характеристик.

Топография глобального социума меняет привычную систему координат; стремление к эффективному обладанию новизной доминирует над кодами современности и индустриальной экспансией, дополнительность замещает тотальность. Города планеты – физические и виртуальные сгустки связей, становятся персонажами, автономными от непосредственной географической принадлежности. Геокультурный и геоантропологический атласы мира формируются как глокальные объекты со сложной архитектурой (геометрией размещения). Определяющую роль в этих моделях играет социальная гравитация, функциональная связность распределенных по планете интенсивно резонирующих локальностей, куда стекаются профессиональные и динамичные антропологические ресурсы – интеллектуальный и кадровый капитал человечества.

Агентство 2thinknow Innovation Centre Cities регулярно публикует рейтинг инновационного потенциала городов, оценивая его с позиций инновационной экономики и подразделяя на 5 кластеров: сплетения (nexus), хабы (hub), узлы (nod), продвинутые (advanced), стартапы (upstarter). В сущности, это классификация по степени проникновения за горизонт событий (probing) и обратного влияния на мир. Последний по времени индекс 2018 года так представляет дюжину лидеров: Токио, Лондон, Сан-Франциско-Сан-Хосе, Нью-Йорк, Лос-Анжелес, Сингапур, Бостон, Торонто, Париж, Сидней, Чикаго, Сеул.

В антропологической вселенной сегодня зажигается, мерцает, гаснет множество звезд, эмансипацию и творческую продуктивность тенью сопровождают экстремизм и деструкция, а в геоэкономическом сегменте – предпринимательской среде, властно утверждается влиятельный персонаж – *manterpriser* (*man* – человек; *enterprise* – предприятие), человек-предприятие. В числе оных – Илон Маск (SpaceX; Tesla), энигматичный «Сатоши Накамото» (Bitcoin), Ма Юнь (Alibaba Group), Джефф Безос (Amazon, Blue Origin), Сергей Брин и Ларри Пейдж (Google), Билл Гейтс (Microsoft), Марк Цукерберг (Facebook), Ричард Брэнсон (Virgin), Майкл Блумберг, Уоррен Баффет, Шелдон Адельсон, Ли Кашин, Карлос Слим, Мукеш Амбани, Азим Премжи и подобные

им. Личностный суверенитет, персональная позиция преобразуют деятельные пространства, изменяют рубежи лояльности, трансформируют принадлежность к сообществам, существенно обновляя коды практики.

Прежние клише туманят зрение, застилая идущие процессы реорганизации, корпоративизации, усложнения мира. Причем понятие корпорации в данных обстоятельствах отличается от привычного, экономического стереотипа. Формирующиеся комплексные корпорации напоминают скорее свои средневековые аналоги, то есть являются объединениями людей, связанных профессиональной деятельностью или общей, соборной устремленностью к некой цели наподобие былого ремесленного цеха, университета, «содружества менестрелей», полит-теологического сообщества, получивших сегодня возможность действовать – конструктивно и деструктивно – поверх территориальных границ и других барьеров. Эту фазу цивилизации можно определить как сложно организованное общество, где социальная эволюция в свою очередь предполагает дальнейшее усложнение структур.

О чем же говорил Дмитрий Орешкин? В сущности о пафосе нового национализма – «встречном ветре» цивилизации: протесте прежнего мира, в каких-то своих чертах аналогичном процессам, разворачивавшимся вокруг тридцатилетней войны прошлого века. Это реакция на происходящее, суммирующая несогласных с развитием событий, бунт отвергнутых временем, невостребованных элементов прежней конструкции, оказавшихся за бортом новой сборки. И суммарная энергетика альтернативных версий реконструкции, маргинальных на данный момент утопий и антиутопий наступившего века. Но и здесь действует своя корпорация, она также представляет определённую силу, базируясь на социальных достижениях прошлого века: демографическом взрыве, массовом обществе, всеобщем избирательном праве, индустриальном, конвейерном производстве. Политический интеграл подобных умонастроений и устремлений – популизм.

— Получается, вывод Фукуямы о нынешнем глобальном, совершенном и гуманном капитализме как конце истории ошибочен? Капиталистическое общество ведет мир в тупик, а мы, уничтожив советский социализм, побежали догонять «Титаник»? Что в этом смысле подразумевает новая конфигурация, и где наше место в ней?

— «Капитализм» - термин с нечетким научным содержанием. Опять же, слушатели удивляются, когда узнают, что Маркс этот термин не использовал, для него он не столько категория, сколько, как сказали бы сейчас, «оценочное суждение». О капитализме рассуждали Зомбарт и Вебер, однако это иное. В социальном же аспекте капитализм – не строй, а, скорее, композиция власти (кстати, коллективный капитализм порой расценивался и рассматривался как форма... социализма). Но когда мы ведем речь о социальной конструкции («формации»), а не о системе производства-распределения, ее организации и следствиях, корректнее говорить об обществе современном (Modernity) или «буржуазном» в смысле «городском» (burg – крепость, город), вытеснившем феодальное с его сословным характером социальных связей. С другой стороны, непросто и с определением «социализм», как правило, маркировавшем в XX веке феномен этатизма в той или иной, национальной, интернациональной, корпоративистской его версии.

Прошлый век – время всемирного переворота, и глобализация, правда, в несколько иной, чем сейчас ипостаси (колониальной), уже присутствует у его порога. Мир разделили между собой доминантные субъекты внешнеполитического действия в соответствии с принципом «эффективного управления», да и передвижение людей по планете было в то время даже более свободным, нежели теперь. Спектр всевозможных революций в политике, науке, экономике, культуре пронизывает плоть века, революций и открытий, осуществлявшихся людьми, устремленными в будущее. Возникал новый мир, разрушались империи, в начале столетия – континентальные, в середине – морские, океанические. Начиная с Версальской конференции строилась новая карта Европы и мира, состоящая из национальных государств, и к власти в этих новых странах приходили люди, которых я бы охарактеризовал как социальных инженеров.

Мир того времени – инженерная культура, утверждавшаяся в политике и в экономике практически повсеместно. Вот любопытный кейс, раскрытие истинного характера которого также нередко вызывает у аудитории удивление – «Великая депрессия» в США. Суть феномена – инженерный апофеоз и кризис внезапного изобилия: талантливые инновации привели к массовому производству, переизбытку всего, в том числе рабочей силы из-за кризиса перепроизводства, то есть безработице и падению кредитоспособного спроса. Перенастройка ситуации заняла немалый срок.

Этатизм, используя энергетику футуризма и восстание масс, конструировал в это же время собственные версии политического, экономического, культурного обустройства нового мира. Однако социальная инженерия в отличие от технической имеет дело с гораздо более сложным объектом – человеком, а когда утопия не может быть воплощена, она вызывает фрустрацию, наполняя стремление к идеалу насилием, будь то национальный социализм в Германии или интернациональный в СССР. Нечто подобное – деятельный утопизм и постсовременный акционизм, демонстрирует сегодня ДАИШ (*арабское название запрещенной в РФ группировки «ИГИЛ»* – прим. ред.). Причем под жернова утопии попадают прежде всего люди, обладающие собственным суверенитетом, те, кого в обиходе мы характеризуем как личности. В начале беседы мы говорили о том, что в мире сегодня формируются сложные общества. Но что такое сложное общество? Это сумма сложно организованных индивидов, обладающих развитым интеллектом, культурным капиталом, тем или иным моральным императивом, владеющих разнообразными, подчас уникальными искусствами. Культурная же и антропологическая катастрофа – фундаментальное препятствие на пути эволюционной устремленности как универсальной ко-эволюции сообществ, пролог деструктивной битвы за будущее...

В рассуждениях о «нашем месте» - судьбе России, я бы еще раз использовал образную, аналоговую конструкцию. Представим судьбу, скажем, Британской империи, если бы метрополия находилась не на отделенном морями-океанами острове, а где-либо посреди Африканского или Азиатского континента. Связи и переплетения метрополии и зависимых пространств были быкратно теснее, а деколонизация, сопровождаемая постколониальным синдромом и социальной революцией, грозила бы не только изгнанием колониальных администраций и разрывом кровных связей, но перерождением самой метрополии и возможным замещением ее новой исторической общностью. В этом существенное различие континентальных и морских империй, их судьбы в XX веке.

Российская империя не делилась четко на процветающую метрополию и отсталые, развиваемые и эксплуатируемые колонии. Это было пестрое континентальное пространство взаимопроникающих культур, в котором европейские территории сосуществовали с азиатскими пространствами, постепенно осваиваемыми метрополией и перетекающими в нее. Революция 1917 года стала синтезом, объединившем городскую революцию, крестьянско-солдатское восстание с национальными, антиколониальными движениями и пестрым футуристическим порывом людей, жаждавших воплощения возникших утопий, сопровождаемым разрушением всего, что определялось ими как костное, отжившее, ретроградное.

РФ и сегодня не является гомогенным политическим пространством с реальной, а не продекларированной вертикалью власти и прочими атрибутами монолитности. Дело тут не только в регионализме или национально-этническом сепаратизме. Северный Кавказ, Поволжье, Дальний Восток, Калининградская область, Якутия, Тыва – все это разные ситуации, суммарно представляющие одну большую проблему поиска актуальной идентичности в том или ином историческом тексте: удержания либо оптимизации имперского организма, называемого сегодня Российской Федерация. Россия фактически также становится «миром корпораций»: этнических, региональных, промышленных, административно-ведомственных... Но знаки и символы российского корпоративизма подобны перевернутому флагу: они явно опровергают ту личностно-ориентированную социальность, о которой мы говорили раньше.

«КИТАЙ ВРЯД ЛИ ХОЧЕТ ПРЕТЕНДОВАТЬ НА ЗАМЕЩЕНИЕ ЛИДЕРСТВА»

— *При этом китайской цивилизации прочат тотальное превосходство не только в экономике, науке, технике, военной сфере, но и в социокультурном плане. Она и в самом деле лет через 10 лет будет абсолютной мировой доминантой или Запад все-таки даст ей бой? Америка сможет консолидировать Большой Запад, выступить с ним против китайской экспансии?*

— В современном мире Китай – безусловно значимая величина. Китайская цивилизация и её взаимодействие с миром – тема, у которой много аспектов. Откуда возникли эти вопросы о прямой китайской цивилизационной угрозе? На планете продолжает доминировать европейская, североатлантическая, современная цивилизация, обретшая глобальные пропорции, обладающая технологическим лидерством и соответствующим инструментарием – достижения, к которым Китай, как и весь мир, также приобщился. Его нынешнее положение – заслуга последних поколений руководителей и... наличия Запада, с которым так или иначе связаны достижения. В этом смысле, Китай вряд ли может и хочет сейчас претендовать на замещение лидерства, для него важнее развитие.

Пекин по ряду причин находится в непростой ситуации. На поверхности – кризис отношений с США, вследствие позиции президента Дональда Трампа относительно колоссального торгового дефицита не в пользу Америки, дефицита, исчисляемого сотнями миллиардов долларов. Но фундаментальность его конфронтации с Западом – это в значительной мере газетная, популярная тема. Китай не может существовать без развитого мира, он должен с ним плодотворно сосуществовать, используя западные достижения для собственного развития. Кризис

же, который возник, это все-таки не кризис устроенный Трампом, это внутренние пертурбации развития.

Китай за последние десятилетия реализовал стремительное промышленное и социальное развитие, в результате заработная плата, уровень жизни, производство растут. Российские специалисты сегодня эмигрируют не только на Запад, но и в КНР, средняя зарплата там уже выше, чем в России и продолжает расти. Между тем экспортную эстафету перенимает новое поколение развития, включающее такие страны, как Вьетнам, Индонезия, Филиппины, Шри Ланка и так далее. Китай же за время бурного роста накопил сумму проблем и сегодня пробует сменить экономическую модель развития: пробует опереться на внутренний спрос, сместить доминанту с торговой на инвестиционную.

Но тут возникает «разница температур»: внешние инвестиции – это развитие по ту сторону рубежа, внутренние же приходится реализовывать в рамках гибридной экономики с ее ориентацией скорее на затраты, цифры, плановые показатели, порой прямое омертвление капитала, нежели на реальную прибыльность. Результат – огромная закредитованность китайского бизнеса (ситуация альтернативная государственной и «домохозяйственной» закредитованности США). И все это происходит в условиях нарастания «мышечной массы» при отсутствии активного спроса на ее использование и общей санации инвестиционных проектов. Кроме того приходится иметь дело с массой культурных эксцессов специфической среды. Речь не только о «мертвых городах» и избыточных трассах. Скорее о балансе между рынком и планом, о прохождении барьера между централизованным планированием и оперативным управлением возможностями, сохранением экономического тонуса и антропологической витальности.

Вот объемный кейс, который часто обсуждается – китайский мегапроект «Один пояс, один путь», здесь есть к чему приглядеться. В оперативно-тактическом отношении и в своей евразийской ипостаси как сугубо транспортная и континентальная артерия (есть еще перспективная, хотя стратегически уязвимая морская составляющие) данный проект для Китая экономически обременителен. Скорее это все же создание запасной стратегической инфраструктуры (каковыми являются также российские трубопроводы) на случай чрезвычайных обстоятельств.

Китай в аспекте развития – прибрежная держава, его экономические моторы расположены на побережье, к тому же морские (как и речные) перевозки примерно в два раза дешевле железнодорожных. А то, что грузы дойдут медленнее – часто не слишком убедительный аргумент. Товары по железнодорожным артериям идут не из восточных областей Китая (откуда выходят основные товарные потоки), а из западных, и асимметрия торгово-промышленного потенциала континентального Запада и приморского Востока играет здесь негативную роль. К тому же существует проблема пустого обратного трафика: «мастерской мира» европейская продукция, европейские товары вряд ли нужны в тех же количествах. Остается добавить к этому перечню стремление Пекина финансировать и кредитовать сопутствующие субпроекты в юанях.

Если же воспринимать проект Нового шелкового пути в проактивном и стратегическом ракурсе с упором на освоение территорий, тогда ситуация выглядит несколько иначе. Транспортная составляющая предстаёт в таком случае едва ли не

своеобразным «супом из топора». Транспортная инфраструктура прокладывается не абы где, но там где есть востребованные ресурсы. К этому добавляется экспорт техники и рабочей силы: машины, механизмы обслуживаются китайцами. Поселки их компактного проживания – тоже всё китайское. Сейчас такое освоение территорий Китай осуществляет на Африканском континенте. И это не только инфраструктурное и кадровое обустройство территории, заглядывая в гипотетическое будущее – это могут быть возможные платформы для будущей демографической экспансии.

КНР и США представляют разные, по своему комплементарные стратегии развития. Если взглянуть в сложноорганизованные структуры, они так и работают (примерная аналогия – модель взаимодействия правого-левого полушарий мозга). Китай пытается удерживать стабильность в динамичной среде, но не за счет высокоадаптивной самоорганизации, а в более свойственной ему метрике баланса сил, рассматривая социальную кибернетику как источник политического эквilibриума. Для реализации систем универсального мониторинга и коррекции поведения Пекин использует (и развивает) аппаратные средства вычислительной техники и цифровые технологии, исследует возможности нейросетей и искусственного интеллекта вкупе с формированием соответствующего кадрового корпуса. Это драматичная футуристика, но она вне магистрали нашей беседы...

Вот еще интересный аспект нынешних политических и философских изысканий Китая. Несколько лет назад влиятельной медиагруппой Цхайсинь была опубликована примечательная статья профессора Ван Юнцина «Реформа структуры, реформирующей систему, является самой важной», в которой по сути рассматривалась основная дилемма китайской политической ситуации: определение динамики центра тяжести в балансе между «решающей ролью» рынка и «руководящей ролью» государства. Иначе говоря, фактически, постулировался императив реформирования центральной организующей структуры КНР – партии. И это, пожалуй, главная проблема нынешнего Китая.

В статье содержался примечательный пассаж: «Структурная трансформация системы является первоочередной задачей. Если имеется превосходная структурная организация системного уровня, хорошая система будет произведена. А хорошая система будет порождать передовые технологии. Я думаю, именно поэтому Вашингтон, Джефферсон, Франклин и другие отцы-основатели Соединенных Штатов почитались последующими поколениями. Они создали превосходную структуру для системы». Тут вспоминаются обстоятельства формулирования Сунь Ятсеном своей основополагающей доктрины «трех народных принципов», в частности, отмеченная им роль Геттисбергской речи Авраама Линкольна. Да и вообще влияние американской политической мысли на современные, различным цветом окрашенные изводы неоконфуцианства.

Китай напоминает лыжника, который идет по лыжне и хорошо просчитывает усилия, он может достаточно уверенно быть вторым. Не пятым и не третьим. Сильный, с выраженной культурной идентичностью Китай движется по лыжне, а вот обогнать или пойти в обход... Тогда ведь возникает необходимость прокладывать лыжню по девственному снегу, уводя ее траекторию за горизонт. Иерархию стратегических преимуществ слишком часто ранжируют по экономическим лекалам, например, по размеру ВВП (разбавляя разного рода кунштюками наподобие ППС), то есть показателю, который на самом деле мало что показывает в интенсивно меняющемся

мире. Китайская футуристика – это не только головокружительные транспортные коммуникации, искусственный интеллект, генетические и биотехнологические технологии. И тут таится еще один поворот сюжета: конфигурация сложного социума строится все-таки не в монотонности числового ряда, сегодня капитал развития в другом. А для Китая он возможно в ко-эволюционной биполярности мира.

«ПОПЫТКИ ОТЛУЧИТЬ НАРОД ОТ ВЛАСТИ ЯВЛЯЮТСЯ ПОКУШЕНИЕМ НА ЕГО ПРАВА СЮЗЕРЕНА»

— *Какое место в этой цивилизационной и геоэкономической борьбе, по-вашему, история отводит России? Мы столкнемся с китайской цивилизацией один на один, будем ли союзниками Запада, или Поднебесная «высосет нас через соломинку», как мне сказал один китаевед?*

— Чтобы квалифицированно отвечать на подобные вопросы, нужна культура профессионального стратегического прогноза, которая в России, к сожалению, отсутствует. Равно как и квалифицированное национальное планирование. Это мое оценочное суждение, но его подтверждает, к примеру, печальная история всех, как начальных, так и скорректированных версий Программы-2020, ее судьба это убедительно показала. Отсутствует также публичное, серьезное, внятное обсуждение российских проблем и перспектив. В какой-то момент в качестве эрзаца (когда еще казалось, что нельзя же вообще на рассуждать о будущем) возникло так называемое «прогнозирование желаемого будущего», однако последнее время все заметнее стойкое нежелание вообще обсуждать данную тему. Доходит до курьезов. Недавно, к примеру, вышло объемистое исследование «Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам», но... это мир без России, описание ее будущего состояния отсутствует не только как отдельная глава, наряду с другими сюжетами, но даже в разделе, посвященном постсоветскому пространству.

Пропагандистская риторика, лубочные «желаемые» декорации, утопии и антиутопии демонстрируют неуверенность в будущем, попытки затемнить реальность, подчинить ее конъюнктурным, групповым интересам. Растерянность перед будущим понятна: в стране, фактически, отсутствует современная политическая система, что само по себе предвещает темные времена, но, главное, – отсутствует ее основа – активное гражданское общество. В России заметно снижена социальная эмпатия, высок уровень подавления разномыслия, социальной, экономической, политической самоорганизации. Это тяжелый диагноз, который требует верификации и анализа, но, боюсь, что углубление в проблему покажется сложным, запутанным и «академичным».

— *Давайте все же попробуем...*

— Ну, хорошо. Я сослался на сложность проблемы, т.к. она глубже и сложнее, чем представляется на первый взгляд. Дело тут не только в качествах нынешнего политического класса и других часто обсуждаемых реалиях. Но всевластие аппарата и подавленность общества закреплены также на фундаментальном уровне – уровне мышления-языка. Кстати, это лишний раз подтверждает значения геокультуры. До сих пор в сознании россиян Россия – это «государство» («господарство»), что фиксирует скорее подданство, объектность людей, а не их гражданство, то есть субъектность. В современном государстве *government* – это органы управления делегированной

властью, избираемые и утверждаемые источником власти – народом. В России же они привычно артикулируются как сама «власть». И даже претендуют в законотворческих усилиях и судебных разбирательствах на статус самостоятельной социальной группы, иначе говоря, демонстрируют регресс к сословному обществу.

Генезис же современного общества – это его транзит от сословного к гражданскому. Иначе говоря, от сюзерена-монарха или феодала, как источника власти к нации, как суверенному (самовластному) сообществу граждан, что повлекло трансформацию всех политических институтов. Возникла система представительной демократии, подданные стали гражданами, определяющими формат и содержание органов управления. Исполнительная власть, *министры*, «служители» (от лат. minister – «малой», «служитель») изменили свою подчиненность прежнему сюзерену, став «слугами народа», а законодательная власть – депутаты (лат. «посланный», «заместитель») – стали представителями народа, принимающими от его лица законы, устанавливая правопорядок и ранжируя действия «служителей», определяя объем необходимых для эффективного управления средств, распределение оных и способы их обретения. Президент, если таковой наличествует в системе (как эрзац от монархии, здесь же как своего рода мажордом, т.е. управляющий), проходит обряд инаугурации, то есть принесения вассальной присяги своему сюзерену – народу, а за соблюдением клятв и процедур наблюдает судебная система, руководствуясь основополагающими принципами – конституцией.

Народ как властитель обладает правом на выражение своей воли словом и действием (свобода слова, печати, манифестаций, выборов), органы же власти (служители и представители властителя-народа) подконтрольны ему и обязаны информировать общество, отчитываться в своих действиях (подотчетность, прозрачность, доступность информации). Попытки узурпировать власть, то есть отлучить народ от нее тем или иным образом, являются покушением на его права сюзерена-суверена («величества»), представляя особый вид преступления – государственную измену.

Россия во всех модификациях – Российской империи, СССР, Российской Федерации, не сумела воплотить в политической системе данную совокупность принципов современного государства, даже когда пыталась их декларировать в той или иной форме. Сословное государство у нас трансформировалось в иную сословность – чиновничий произвол, пронизывающий страну сверху донизу. Общество же угнетено, травмировано и пассивно, а поскольку в мире эффективно действуют все же не территории и бюрократии, а люди и сообщества, Россия все чаще оказывается «вне игры», закрепляясь по ряду параметров в группе проблемных стран и находя именно среди них актуальных политических союзников.

— *Неужели все это важно для анализа событий в политике и экономике, в международных отношениях?*

— Это тот контекст, который обычно остается за рамкой актуального анализа, но который определяет мышление и, как результат, основы поведения, обуславливая на базовом уровне, что есть «правильно» и «неправильно», «хорошо» и «плохо». Язык отражает и, одновременно, формирует психику, предопределяя параметры массового поведения. Русский язык показывает, что россияне не осознают себя в качестве

«властного субъекта». Россию же воспринимают как «управленческую конструкцию на определенной территории», а не как «суверенное политическое сообщество», то есть совокупность деятельных людей, выбирающих и утверждающих то или иное направление действий из альтернативных, конкурирующих программ. Отсюда, кстати, вопрошающий формат нынешних «претензий к власти».

Для обозначения политического сообщества в русском языке используются два термина: *государство/держава* и *страна*, практическими (неполными) аналогами которых являются *kingdom/government* и *country*. И, по сути, невозможен адекватный перевод таких основополагающих современных политических категорий как *state* или *nation*. Первое превратилось в невнятные «штаты» либо заместилось «государством», а второе постоянно слипается с этносом, создавая смысловые и практические коллизии. Само понятие «национальное государство» оказывается неприменимо к России, житейское подтверждение чему – ответ россиян на вопрос о национальности (в бланках при пересечении некоторых границ) порой ставит пограничников в тупик.

Дело в том, что *state, état* – обозначает политическое образование как совокупность индивидов данной политики, имея исток в таких реалиях как, например, «третье сословие» (*tiers état*), «Генеральные штаты» (*États Généraux*) – отсюда «Соединенные Штаты» (*United States*, точнее от нидерландского *Staten-Generaal*). Или как более внятное нам – «штат сотрудников». А капитализируется оно в том самом, невнятном для россиян понятии «нация» – *nation* (отсюда не Организация Объединенных Государств, а Организация Объединенных Наций), возвращая нас к понятию *res publica* как «общее дело, состояние» (*commonwealth*). Свободная гражданская и культурная консолидация замещает принудительное подданство. Еще раз повторю: Россия – не система управления или территория, а нация, народ, люди.

Эта запутанность в основополагающих политических категориях отражает не только состояние российской социальной ментальности, но также второсортность политического образования, нынешний статус социальных и гуманитарных дисциплин. Состояние же мира – интенсивное развитие, формирование непростых, динамичных систем и комплексных алгоритмов действия, требующих сложной рефлексии и гибкой координации, что смещает акцент с централизованного контроля на эффективную самоорганизацию граждан, сопрягая сложность объекта с адекватным ему режимом управления. Речь, фактически, идет о постиндустриальном барьере, преодоление которого невозможно для ригидных и синкретичных структур, лишенных перманентной поднастройки. В результате неизбежно начинающаяся – рано или поздно – авральная перестройка оборачивается катастрофой.

— Давайте теперь вернемся к происходящему в мире. Повторю свой вопрос: какое место в этой цивилизационной и геоэкономической борьбе, история по-Вашему отводит России? Мы столкнемся с китайской цивилизацией один на один, будем союзниками Запада, или Поднебесная, «высочет нас через соломинку», как мне говорил в своё время один китаевед?

— Столкнулись не только с ними. Наряду с национальной государственностью в постсовременном космосе появляются и состязаются иные форматы политической организации: мировые регулирующие органы, страны-системы, асимметричные союзы и полифоничные содружества, субсидиарные автономии и сепаратистские

образования, государства-корпорации и корпорации-государства... Все они по-своему трансформируют национальный и профанируют гражданский суверенитет. Система международных отношений расширяет свою фактическую номенклатуру, преображаясь в совокупность мировых связей. Отдельные российские кланы, ведомства, олигархи соучаствуют в этой динамичной диверсификации практики как автономные субъекты действия. Но определяющим моментом является не внешнеполитическая активность, а развитие совокупного организма, его эволюционный вес и конкурентные преимущества, баланс умений и обременений. Эффективность сообществ в интенсивном и непростом мире существенно разнится в зависимости от типа социальной организации, уровня культуры и антропологического статуса.

Россия сегодня мыслит мир преимущественно в категориях прошлого и в рамках оборонного сознания, отсюда подобная постановка вопросов и соответствующая их духу образность. Меняя внешние формы, страна по существу воспроизводит все ту же самодержавную имперскую либо партийно-централистскую структуру или «властную вертикаль», по-своему принаравливаясь к оттенкам духа времени, но с некоторого момента объективные результаты этих циклов наводит на мысль о судьбе айсберга в кипящем жизнью океане.

Мы уже затрагивали тему трансформацию имперских структур в современном мире. Я бы упомянул еще опыт федерализации США (*United States*) и Содружество наций (*Commonwealth of Nations*), сумевших достичь – в различных форматах – деятельное сопряжение примерно одинакового количества субъектов. Важный и поучительный для России опыт, но то, что происходит в мире сейчас – это уже следующий акт исторической драмы. Причем, рассуждая о раздаче призов историей, надо руководствоваться не фактами, а тенденциями, мыслить мир в динамике, а под актуальностью понимать не то, что здесь и сейчас, но то, что, по крайней мере, на полшага впереди. И перестать гордиться, хвастаться прошлым. Пиноккио, который в отличие от Буратино не обретал сказочное театральное имущество, а совершил подвиг преображения из деревянной куклы в человека, говорил: «Прошлое прошло, и лучше оставить его в покое». Мир следует мыслить его преодолением как становлением идеала, а не воспроизведением личин. Иначе возникает синдром страха перед будущим, стимулирующий фрустрацию, уклонение от признания реального положения дел, тягу к «стратегическому бенефису». И лучше, если не в категориях Wunderwaffe, памятуя, что война – это категорическое поражение политики.

Нынешняя Россия превратилась в ресурсную страну, чье благоденствие зависит от состояния других членов мирового сообщества, в первую очередь Европы, Китая, США. Их упадок означал бы экономический коллапс российской экономики. Тут также есть любопытные, не вполне осознанные, скрытые тезисом о «великой энергетической державе» реалии. Все-таки таковой является на сегодняшний день не Россия и не Саудовская Аравия, а Соединенные Штаты. Сланцевая революция, которая серьезно не рассматривалась в российских стратегических прогнозах (еще раз к вопросу об их качестве), привела к лидерству Америки в производстве энергоносителей. Лидерством, которое с выходом США на мировой рынок, ломает прежнюю систему картельной торговли энергоресурсами, не только корректируя направления торговых потоков, но и меняя правила игры.

При этом США обладают уникальным преимуществом, позволяющим со временем вернуться к управлению (но уже в посткартельном формате) режимом энергетических сделок и операций. Это преимущество – трансфертный энергобаланс между американским производством и потреблением энергоресурсов (за счет основной доли их потребления собственной промышленностью). Если цена на углеводороды снижается, выигрывает промышленность, если растет – в выигрыше сырьевые отрасли. Получается, американская промышленность как ванька-встанька, – она оказывается в выигрыше и с прибылью в любом случае.

РФ – это не СССР, она не является политическим, экономическим, идеологическим или культурным конкурентом США, потенциально представляя для них единственную соразмерную угрозу – военную. Сегодня основные проблемы американской внешней политики – это отношения с Европой (особенно с Германией) и с Китаем. Это также Большой Ближний Восток и растущая проблема Ирана. Это сумма ситуаций, связанных с Корейским полуостровом и Японией.

О Китае мы уже говорили. Кстати, для нас он теперь не «восточный сосед», как по инерции повторяют. В советские времена, да, он был восточный, но теперь относительно России это – юг. Тоже инерция сознания, мы все-таки забываем, что РФ и географически – не СССР. 2/3 территории нынешней страны – зона вечной мерзлоты, а географический центр находится примерно в зоне падения Тунгусского метеорита... Что же касается угрозы территориальной экспансии Китая, то я бы отметил два обстоятельства. Во-первых, основная масса китайцев – теплолюбивый народ, у них самих, вопреки стереотипам, северные территории не слишком-то заселены. Именно в этой зоне возникли выстроенные, но незаселенные города. Другое дело – дети от смешанных «приамурских» браков, которые действительно активно осваивают российские территории. А, во-вторых, в настоящее время здесь нет серьезных препятствий для геоэкономической экспансии Китая. Вот простой пример: вроде бы в Китае вырубка лесов запрещена, но страна вышла на первое место в мире по поставкам древесины в Европу и США. Так что существующая форма отношений с Россией Китай, по-видимому, вполне утрясается.

Китай – крупная российская пропагандистская карта, едва ли не последний козырь в этой колоде. С КНР отношения виделись в формате стратегического партнерства, однако это партнерство, так сказать, «за российский счет». Наиболее значимые проекты, типа газопровода «Сила Сибири», ложатся обременением на Россию, не предполагая сколь-либо значительных прибылей в обозримой перспективе, но потребляя налоговые льготы и бюджетные преференции. Для Китая же это стратегический потенциал второго уровня континентальных энергетических нитей (на случай гипотетической возможности перекрытия морских коммуникаций). Свои потребности он удовлетворяет за счет иных источников, включая казахские трубопроводы. Кроме того, не исключено, что стратегические подвижки в ходе переговоров с США приведут к необходимости закупать американские энергоносители, производство, которых быстро растет. А реализация той или иной версии кризиса в Китае также негативно отразится на судьбе планов экспорта туда энергоресурсов Россией.

Сложности в планировании будущего заключаются в том, что будущее не существует, его нет, но с ним приходится считаться, и его необходимо прогнозировать.

Анализируя настоящее и моделируя будущее, мы исходим из опознаваемых, фиксируемых тенденций и профессиональной интуиции. Но занимаемся этим в эпоху перемен, исходя из наличного опыта, то есть прошлого, будучи подвержены воздействию груза стереотипов. Обретение же будущего – возможность, никак не гарантированная движением стрелок. У социального времени иной, субъективный циферблат: будущее обретается за счет нетривиальных усилий, так как осваивать приходится неизвестные земли, предоставляя мертвым хоронить своих мертвецов.

В своё время, ведя авторскую программу «Будущее где-то рядом», я как-то переиначил одну известную байку. Старик, умирая, завещал сыновьям: «Всё свое богатство я закопал на поле, найдёте – оно ваше». Наследники перекопали поле, ничего не нашли, но, засеяв вскопанную землю, обрели богатый урожай. Стали сытыми и богатыми людьми, живущими своим трудом. Переиначенная же версия сводилась к тому, что старик действительно был богат и действительно закопал золото в разных местах на поле, а сыновья отыскивали его, нанимая на обретенные деньги население деревни землекопами. Финал истории был печален: сыновья, подсчитывающие и тратящие незаработанное золото, односельчане, теряющие прежние квалификации. Ну, и можно промыслить еще ряд сопутствующих теме обстоятельств... Тоже ведь своего рода «ресурсное проклятие».

«РУССКИЙ МИР», СТАВ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЛОЗУНГОМ, ПРИОБРЕЛ КАЧЕСТВА ТОКСИЧНОСТИ»

— *Что такое «Русский мир»? Все про него говорят, но никто не дает исчерпывающего определения и не представляет его составных частей.*

— Русский мир (или, как вариант, «Русь-кий мир») – весьма неоднородная концепция, изначально созвучная *Rex Romana*: в русских текстах это словосочетание засвидетельствовано еще в начале второго тысячелетия. Тема «русского мира» была одно время популярной, но затем после известных событий стала одиозной, «русский» стало восприниматься как «российский», причем в политическом ключе и с гегемонистским обертоном, да и в самой России отношение к ней неоднозначное. Лет десять-пятнадцать назад размышления на данную тему связывались с определением будущего РФ и всего постсоветского пространства, языковые, культурные связности, но и тогда каждый вкладывал в это понятие свой смысл.

В сумме же – был некий альтернативный евразийству взгляд на будущее России, где ключевую роль играл союз с Украиной и Беларусью, которые вместе с Восточной Европой связывали бы РФ с европейской цивилизацией. Иначе говоря, будущее страны виделось не в категориях «евразийского чучхэ», не в конфликтно-континентальном ключе, но в симфоничной конструкции, выстраиваемой поверх прежних барьеров. Однако не зря на Руси говорят: «услужливый дурак опаснее врага». Как евразийство подверглось уплощению и извращению, так и «русский мир», став политическим лозунгом, приобрел качества токсичности, привел на деле к сокращению вариантов позитивного будущего для России и утрате ею конструктивной стратегической инициативы на постсоветском пространстве.

— *Почему?*

— По ряду причин, но в основном из-за Крыма и Донбасса. Аннексия Крыма и вооруженный конфликт, вмешательство на Донбассе – стратегическая катастрофа для России. Развитие и открытое пространство созидания будущего заместились конфронтацией, поиском врагов, милитаризацией и латанием дыр. Если пытаться суммировать негативные следствия, не хватит пальцев на руках. Но прежде всего, это превращение чрезвычайно важного потенциального стратегического партнера и геокультурного родственника в противника. До этих событий по разным оценкам от двух третей и более населения Украины положительно относились к России. Сейчас, опять же по разным оценкам, это соотношение изменилось едва ли не на противоположное. И это надолго, если не навсегда. Память о военных ранах, наверное, самая глубокая. А в геополитической мерности происходит оживление конструктов подзабытой постверсальской поры, в частности, концепции Междуморья и модификаций Ягеллонской идеи как прямой альтернативы Русскому миру.

Далее. Была подорвана российская геоэкономическая стратегия в контексте проектируемого Евразийского экономического союза. На тот момент у России были хорошие позиции на европейском энергетическом рынке, находившемся, однако, в чувствительной ситуации появления новых продавцов и превращения в «рынок покупателей». Были задумана комплексная, многовекторная газотранспортная система, но произошедшее быстро сказалось на судьбе проекта «Южного потока», а затем, отчасти, и на проекте «Турецкого потока», сократив его возможности. Стремление же вывести из игры УкрГТС привело к необходимости прокладки «Северного потока-2», одновременно осложнив его реализацию. Санкции, также создают обременения, прежде всего в технологической и финансовой сфере, причем экономические потери просматриваются по нескольким направлениям. Юридические следствия становятся все более чувствительными. Комплексные эколого-логистические проблемы, связанные с трансформацией полуострова в «остров», прямые финансовые дотации и преференции – все это ложится дополнительной нагрузкой на российский бюджет.

Но, пожалуй, наиболее чувствительным фактором становится возобновление гонки вооружений, которую СССР еще как-то мог себе позволить, а РФ – нет. НАТО актуализируется, обретая второе дыхание и антироссийскую направленность. Геополитическая ситуация ухудшилась, коррозии подверглась система международных соглашений, поколеблен миропорядок. РФ утрачивает прежние позиции в международных организациях, она вынуждена покинуть некоторые из них, включая G-8, ставшую вновь G-7. Список можно продолжить...

— *Некоторые ученые на Западе называют Россию и «Русский мир» наследниками «Великой Тартарии», или Тартарии – великой империи, простиравшейся некогда от современного Пекина до Будапешта. И, дескать, все беды России связаны с этим «диким наследием», Европа много раз пытались привести ее к вестернизированному цивилизационному знаменателю, но терпела неудачи. Насколько «Русь и Степь», как называл их Лев Гумилев, повлияли друг на друга, и что из этого в конечном счете получилось? Насколько сегодня сильна этнокультурная связь и взаимное влияние татарского и русского народов?*

— В какой-то степени это продолжение разговора о затруднениях с комплексной идентичностью, внешней и внутренней. Например, на европейских картах практически

до XIX века «плавающий» западный этно-культурный рубеж Великой Тартарии прописывался в Поволжье, но порой и по Днепру, захватывая, таким образом, отчасти Московию, а позднее – Россию. Царский титул знаменует обретение ордынского наследства, преобразованного Петром в интернациональную империю русских подданных, а Советский Союз в категориях «лагеря социализма» приблизительно восстанавливает контур Орды в период ее максимальной экспансии. Затем следуют разделение и обрушение, как, впрочем, произошло и с Ордой. Актуальной становится проблема очередной пересборки, ее сроков и версий, но объективное прогнозирование будущего России осложнено разными обстоятельствами.

При нынешнем развитии событий вряд ли удастся избежать очередной смуты. Рассматривая же возможности ключевых игроков на пространстве реконструкции и сопрягая их с прогнозами относительно изменения конфессионального баланса, одним из интересных персонажей, действительно, представляется Татарстан. Дело не только в национальной и конфессиональной его идентичности, хотя само по себе это серьезный смысловой, культурный ресурс (включая потенциал генерирования евроислама). Равно как и наличие элементов амбициозного государственного строительства в постсоветское десятилетие. Татарстан к тому же имеет несколько взаимосвязанных, причем не самым конфликтным образом, уровней корпоративности: этно-национальной, региональной, промышленной, административной, хотя это может показаться чересчур смелым утверждением. Есть хорошее местоположение в центре Поволжья, есть определенная возможность интеграционных функций, есть собственные ресурсы...

«ПЛАНИРОВАТЬ ПРОСТО, ВОПЛОЩАТЬ СЛОЖНО»

— В январе посол РФ в Беларуси Михаил Бабич заявил, что российская часть межправительственной группы по развитию интеграции приступила к инвентаризации всех положений договора о Союзном государстве. Кому и зачем это вдруг понадобилось? И вообще, мы с Белоруссией неумолимо отдаляемся друг от друга, или напротив, готовимся к полноценному слиянию в единое государство со сменой конституции?

— Умозрительный ответ вроде бы лежит на поверхности: создать новую политическую конструкцию и ввести новые правила игры. Вопрос в реализации. Как было с ЕАЭС и воплощением проекта. Там выстроить политический контур не удалось. В рамках Союзного государства на первый взгляд это сделать проще, но чтобы реализовать комплексную политконструкцию, нужно иметь способности к политическому конструктивизму. Современный политический класс России таким талантами не обладает. Ну, и знаменитая фраза о двух медведях в одной берлоге. Это больше касается Лукашенко, потому, что Путин уверен, все козыри у него. А Лукашенко понимает, что Путин именно так эту ситуацию и видит. Лукашенко вообще оказался довольно виртуозным политиком. Не имея серьезных ресурсов и рычагов влияния, столько лет крутиться. И сдал только один стратегический объект – газотранспортную систему.

Впрочем, у Беларуси есть своя «карта в рукаве» – китайский джокер. Для Китая Беларусь выгодная площадка для промышленной экспансии в Европу, поскольку позволяет производить и реализовывать товары, уже европейской сборки, с местными клеймами, собранные на белорусских заводах, качественно и высокотехнологично из

китайских компонентов. Это идеальное сочетание ресурсов и возможностей могло бы стать для Беларуси некоторой альтернативой российской энергетической подпитке экономики, и, возможно, определенной гарантией политической суверенности. Но для того, чтобы сцепка заработала в полном объеме, Беларуси нужно кардинально улучшить отношения с Европой, не разрушая их с Россией. В общем, для страны так или иначе приближается момент истины.

— Другой актуальный территориальный вопрос – ситуация вокруг Курил. Согласно опросам, россияне против передачи островов Японии, но, как известно, нынешнюю власть такие вещи не останавливают. Мы отдадим спорные острова?

— Страна – это люди, а не территории. Если бы проблема Курил была урегулирована в свое время, многое выглядело бы иначе в истории СССР и России. Проблема островов заблокировала возможность широкого и взаимовыгодного советско-японского сотрудничества с впечатляющей на тот момент перспективой. Сейчас это, как и белорусский вектор, скорее претензия на «стратегический бенефис», тем не менее имеющий свои умоуязвимые политические, технологические и геоэкономические горизонты. Но планировать просто, воплощать сложно. Видится возможность инфраструктурных коммуникаций с Японией и регионом, позволяющих оживить здесь жизнь, удержать в деятельном состоянии слабозаселенный Дальний Восток, причем во многом с привлечением ресурсов Японии. Далее – продление газотранспортного маршрута и развитие сахалинских месторождений, создавая энергетическое кольцо в регионе, используя в том числе корейский фактор, общие перспективы развития ситуации на полуострове...

Что же касается реакции населения, то «абсолютное большинство» может быть и против, но вот массовых протестов после пробного вброса информации о судьбе Шикотана и гряды Хабомаи (о всей гряде Южных Курил речь сегодня не идет), в общем-то, не было. И определенный опыт есть – передача амурских островов Китаю в свое время прошла без особых проблем. Равно как и урегулирование некоторых других территориальных вопросов. Но сейчас меняется само отношение к органам власти в целом, а их деятельность все чаще демонстрирует огрехи. Реализация же российско-японско-корейского комплексного проекта во всей его полноте – задача достаточно сложная, если не сказать филигранная. И тут мы возвращаемся к оценочным суждениям, сделанным в начале беседы.

*** Подробнее:**

1. Созидание будущего. Специальный выпуск. Москва: ИНТЕЛПРОС. 2017.
2. Кризис будущего. Специальный выпуск. Москва: ИНТЕЛПРОС. 2017.
3. Приватизация будущего. Специальный выпуск. Москва: ИНТЕЛПРОС. 2018.
4. Коррозия будущего. Специальный выпуск. Москва: ИНТЕЛПРОС. 2018.

ПРОЕКТНЫЕ СЕМИНАРЫ «НЕКСУС» (ИНТЕЛПРОС)

- **СЛОЖНОСТЬ.** Сложный человек в сложном мире - *январь*.
- **СИНГУЛЯРНОСТЬ.** Инакость. Rite of Passage - *февраль*.
- **ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ.** Общество программ. Нейросети. AGI - *март*.
- **ТРАНСФИНИТНАЯ ЭКОНОМИКА** (числовой ряд как ЦБ, криптовалюты, идеология блока транзакций, n-мерные деривативы, универсальное страхование, неотчуждаемые активы, франчайзинг будущего) - *апрель*.
- **СУММА ЗНАНИЙ.** Тетраматрица знания, новые образы знания (органистическое, неотчуждаемое, нерациональное, личное) - *май- июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ФОРМЫ СОЗНАНИЯ.** Разнообразие видов интеллекта, эволюция сознания, человеческие качества - *май- июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА.** Эволюция сознания, Неординарные и искусственные способности, уникальные компетенции, психофизическое, химическое и генетическое модулирование - *май- июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ПРОГНОЗИРОВАНИЕ** и его актуальные формы (форсайт, букмекер-прогнозирование, транзакционное, генетическое, эволюционное, тетраматричное, эмерджентное как «возникающее свойство») - *май- июнь - июль - август (совмещенный семинар)*.
- **ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ / ПАЙДЕЙЯ (ЛИК):** форматы образования и развития, типология элит (личность/интеллект/культура) - *сентябрь*.
- **МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ-ДЕЙСТВИЯ-УПРАВЛЕНИЯ** с акцентом на методы косвенного управления; матричное, рефлексивное, точечное, рефлекторное, SOC, синергичное управление, неклассический оператор (переход от поведенческих аттракторов к ценностным); эволюционные стратегии и ко-эволюционный конфликт - *октябрь*.
- **МИР КАК СУММА ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ.** Soft state, liquid state, post-state, геоэкономический атлас, мир корпораций, антропо-социальные структуры (видовое разнообразие, смена социоценоза) - *ноябрь*.
- **ПОСТСОВРЕМЕННАЯ / ГИБРИДНАЯ ВОЙНА** в понимании: иррегулярная, распределенная, договорная, холодная, комплексная, сложная, синкретичная, универсальная, десекулярная, персональная, метафизическая. Агрессия, защита, усмирение. Усилие и насилие - *декабрь*.

PERSONALIA

Александр Иванович Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель экспертно-образовательного объединения «ИНТЕЛПРОС - Интеллектуальная Россия». Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Руководитель Группы «Север-Юг» (ака Лаборатория «Север-Юг») Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФР РАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН).

Действительный член российских отделений Всемирной федерации исследований будущего (WFSF) и Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), а также Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова. Член Международного редакционного совета (от России) журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук, Экспертного совета журнала «Экономические стратегии» (ИНЭС РАН, Россия). Руководитель семинара «Нексус» (ИНТЕЛПРОС - Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации РАН). Член Совета Школы эффективных коммуникаций «Репное».

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, заместителем генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ». Являлся членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ» и аналитической группы Совета Обороны РФ.

Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН).

Вел авторскую аналитическую программу «Будущее» / FINAM FM (диплом Международной академии исследования будущего, 2009; лауреат Всероссийской премии в области общественно-политической проблематики «Власть №4»/номинация «Лучший текст о будущем», 2011).

Автор примерно 700 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Научный руководитель/автор проектов СИНЛА/Глобальная трансформация (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), ГЕОКОН (1991-1996), ГЛОБАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО (1997-2003), СОФИЯ (2003-2012), КАМЕЛОТ (2004), КП (2005-2006), СИНЕРГИЯ (2007-2010), ВВЦ-2/Парк Россия (2009-2010), ФЕНИКС-К (2010), БОЛЬШАЯ ВОЛХОНКА (2011), РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (2010-2012), ЛИК/Пайдеия (2010-2014), ГИБРИДНЫЙ МИР (2015), СОЗИДАНИЕ БУДУЩЕГО (2016-2017), БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ (2018-2020), ИНТЕЛПРОС (2003 - по настоящее время).

Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития (геоэкономика-геокультура-геоантропология); методология анализа, прогноза и управления в ситуациях неопределенности; философия истории.

<http://intelros.ru>

neklessa@intelros.ru

И 996 Специальный выпуск журнала «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». Весна 2019 (Приложение). Свидетельство о регистрации Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИИ №77-18303. Усл. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 2,15. 26.03.2019.